

Рецензия

Написана в 1998 г.

Не была опубликована

О. Кен

Igor Lukes. Czechoslovakia between Stalin and Hitler. The diplomacy of Edvard Benes in the 1930s. New York, Oxford: Oxford University Press, 1996. IX, 318 p.

"Есть на карте место

Пусто: наша честь",

— этих строк из "Стихов к Чехии" довольно, чтобы объяснить неутихший интерес к причинам и обстоятельствам гибели единственной довоенной демократии Центральной Европы. Всегда была очевидной и связь между последним актом истории ЧСР и послевоенным устройством Европы. С началом 90-х годов появилась надежда, что противоречащие и даже несовместимые описания чехословацкого узла европейской политики отступят перед полнотой нового научного исследования. Такую книгу о чехословацкой внешней политике ждали давно¹, и в некоторых отношениях монография И. Лукеса оправдывает эти ожидания.

Его исследование основано на чрезвычайно широком круге документальных источников, мемуарной, публицистической и научной литературы на семи языках, и прежде всего на материалах пражских архивов (архивы Канцелярии Президента, МИД и МВД ЧСР, ЦК КПЧ, личные архивы Бенеша, Дртины, Фирлингера, Смутного и др.). Ценность этих коллекций велика, и нетрудно извинить склонность очарованного ими автора отдавать предпочтение второстепенным неопубликованным источникам перед важными опубликованными² и при обращении к некоторым известным материалам ссылаться на их архивные шифры, а не на сборники документов³

¹ Работа И. Пфаффа (*Sovětska zrada. Praha, 1993*) принадлежит жанру исторической публицистики.

² За пределами внимания И. Лукеса оказались сравнительно недавно опубликованные "Documents diplomatiques français, 1932-1939" за 1932-1935 годы (I-re sér.), а также "Документы внешней политики СССР" (использован лишь один из томов (XXI) этой серии), воспоминания французского посланника в Праге (Leon Noël. *La Tchecoslovaquie d'avant Munich. Paris, 1982*) и некоторые другие материалы.

³ Ср. прим. 101, 128 к гл. 7 и док. 160, 166 в сборнике "Документы по истории Мюнхенского соглашения. 1937-1939" (М., 1979). Недостаточное внимание к советско-чехословацким публикациям поро-

Во введении И. Лукес отмечает, что благодаря трудам его предшественников мы обладаем достаточно отчетливой картиной "британского, французского, немецкого, венгерского и польского измерений" приведшего к Мюнхену кризиса 1930-х. (К этому можно было бы добавить и указание на тщательные исследования отношений Чехословакии с партнерами по Малой Антанте). Поэтому автор сосредоточил свое внимание на "до сих пор пренебрегаемых чехословацкой и советской перспективах". Их рассмотрение И. Лукес начинает с малоисследованных контактов между Москвой и Прагой в 1918-1933 гг. (глава 1). Вторая глава представляет интерпретацию "опасных отношений" Бенеша и Сталина советско-чехословацкому сближению, увенчанному договором о взаимной помощи и визитом Бенеша в Москву. Исследование нарастающего кризиса в Центральной Европе в 1935-37 гг. сосредоточено на анализе политики Москвы (как она выразилась в подходах Коминтерна и КПЧ) и на отношении Запада (в первую очередь Великобритании) к чехословацкой проблеме (глава 3). Самостоятельный интерес представляет раздел о роли Бенеша в "деле Тухачевского" и, в особенности, убедительные аргументы автора, развенчивающие версию о "красной папке", переданной Бенешем Сталину (глава 4).

Почти две трети монографии И. Лукеса посвящены событиям 1938 г.; по мере приближения к последним дням независимой Чехословакии плотность изложения нарастает. Автор мастерски описывает метания Града между отчаяньем и надеждами, исторической отвагой и готовностью покориться злой судьбе. Читатель запомнит панику, вызванную появлением в резиденции Бенеша протестующей толпы, и маску противогаза на его письменном столе. Последняя из семи глав ("Сентябрь 1938") выражает авторскую концепцию с такой полнотой, что И. Лукес счел излишним предлагать особое заключение к своему труду. Главный вывод автора заключен в утверждении: "Президент решил не вступать в борьбу 30 сентября потому, что был покинут своим французским союзником и Советским Союзом" (С.262). Основная авторская задача — исследование "чехословацкой и советской перспектив" — помещает логическое ударение на первом (Бенеш жертва большой политики) и третьем (измена Кремля) тезисах, причем убедительность оправдания Бенеша зависит от степени доказанности последнего.

Едва ли не главным аргументом в цепи рассуждений об отказе СССР поддержать Чехословакию является интерпретация Лукесом встречи Бенеша с полпредом Александровским вечером 20 сентября и ответа Москвы на запрос чехословацкого президента о ее позиции. "Второй и решающий вопрос, — пишет И. Лукес, — был записан Бенешем следующим образом: "Какова будет позиция Советского Союза, если Франция откажется выполнить свои обязательства?". Этой версии, выраженной десятилетием позднее в мемуарах Бенеша, автор отдает предпочтение перед записанной Александровским тотчас же после встречи формулой: "поможет ли СССР в качестве Лиги на-

 дило и излишние "источниковедческие" коллизии (ср. прим. 118 к гл. 6 и док. 325, 326 в третьем

ций на основании упомянутых статей [статей 16 и 17 Устава Лиги]" (С.223, а также С. 228, 234)⁴. Правильность версии полпреда подтверждает сделанное ему тогда же заявление Бенеша, о том, что он ожидает кризиса кабинета Даладье "под знаком верности союзу с СССР". В таком контекст вопрос о поведении СССР в случае предательства со стороны Парижа был невозможен. Более того, он мог быть задан лишь относительно обязательств другой стороны; таковы были обязательства СССР в соответствии со 16-й статьей Ковенанта оказать помощь жертве нападения. Заявление Совета Лиги о Чехословакии как жертве агрессии было необходимо и для того, чтобы избежать осуждения СССР как виновника агрессии против Румынии или Польши при посылке войск через их территорию. Иное формулирование чехословацкого запроса превратило бы его в просьбу, на что Бенеш никогда не отважился: она равнялась бы не только обязательству чехов сопротивляться, но и их согласию на прямое советское вмешательство⁵. И. Лукес придерживается мнения, что поступивший сутки спустя советский ответ пришел слишком поздно, чтобы повлиять на принятие решения по поводу англо-французского ультиматума⁶, но "в любом случае, так как второй вопрос был искажен, ответ [Москвы] не имел значения" (С. 265). Вывод автора изумляет тем более, что после утвердительного ответа Кремля до окончательной капитуляции Града оставалось более недели, насыщенной военными и дипломатическими акциями всех вовлеченных сторон.

Такая трактовка консультаций Бенеша со Сталиным 20-21 сентября ставит И. Лукеса в нелегкое положение. Он дважды констатирует оптимизм, проявленный Бенешем при встречах с Александровским (21 и 23 сентября), и признает его необъяснимым на основе "ныне имеющихся архивных свидетельств" (С.230, 235). Было бы естественным предположить, что Бенешу придали бодрости позитивная отклик на его зондаж со стороны Кремля, в особенности начатые 21 сентября советские военно-мобилизационными мероприятия⁷. Этой темы И. Лукес касается лишь в примечаниях. "Возможно, что некоторые меры были приняты в Киевском военном округе в ответ на напряженность на международной сцене в конце лета 1938 г.", пишет он, однако "до сих пор не было даже установлено, что они имели отношение к Мюнхенскому кризису" (С.268). Между тем, уже из документальной публикации 1958 г.⁸ автор мог получить утвердительные ответы на эти вопросы, а

томе "Документов и материалов по истории советско-чехословацких отношений (М., 1978).

⁴ Единственным косвенным аргументом автора является его интерпретация беседы Бенеша с Готтвальдом 19 сентября (с.224). Как показал С. И. Прасолов, их диалог лишь подтверждает, что "третий вопрос" (о немедленной военной помощи СССР независимо от Франции) не был задан полпреду (С. И. Прасолов. Советский Союз и Чехословакия в 1938 г.// Мюнхен — преддверие войны (исторические очерки). М., 1988. С. 63-64).

⁵ См. С. И. Прасолов. Советский Союз и Чехословакия в 1938 г. С. 61-64.

⁶ Критику этого тезиса см. там же. С. 62.

⁷ О них должен был сообщать в Прагу чехословацкий военный атташе в Москве Ф. Дастих, однако, как отмечает автор, его донесения за период с января 1938 г. не сохранились в чехословацких архивах исчезли (С. 198, 207).

⁸ Новые документы по истории Мюнхена. М., 1958. С. 128, 139-140.

введенные в научный оборот в 1960-80-е годы материалы не оставили сомнений относительно общеполитического смысла и масштаба мобилизационных мероприятий, охвативших не только приграничные, но и все внутренние округа европейской части России⁹. Сдвигая начало военных приготовлений СССР с двадцатых чисел сентября на "конец лета 1938 г.", Лукес получает возможность прибегнуть к "важному источнику" свидетельству из вторых рук, что в конце июля на пути из Москвы в Одессу германский военный атташе не обнаружил приготовлений к перемещению войск (С. 262). Читатель вправе заподозрить, что его разыгрывают¹⁰.

И. Лукес отдает должное точности предсказаний, которые Москва на протяжении 1938 г. делала относительно поведения лидеров Великобритании и Франции (С. 193, 201), которому он сам посвящает немало вдумчивых и горьких страниц. Советское же руководство, по мнению автора, придерживалось тройственной стратегии: оно поощряло противостояние Чехословакии требованиям Гитлера (к которым затем присоединился Чемберлена), сохраняя при этом возможность маневрирования, и стремилось избежать изоляции и наряду с другими великими державами участвовать в попытках разрешения кризиса. Долгосрочным компонентом стратегии Кремля было разжигание пожара войны, от которой СССР оставался бы до поры до времени в стороне и в которую он был готов вмешаться, как только сложатся условия для "второй волны пролетарских революций" (С. 191). Отмеченные И. Лукесом черты несомненно присутствовали в политике Москвы, и представленный в книге анализ подтверждает это. Однако то обстоятельство, что советские руководители исходили из принципов *Realpolitik* и владели правилами дипломатического маневрирования, оставаясь при этом большевиками, давно перестало быть предметом споров. Проблемой является понимание того, как эти тенденции взаимодействовали друг с другом и какую политику это взаимодействие порождало. В этих отношениях исследование И. Лукеса (в частности, страницы, посвященные майской мобилизации и миссии Жданова в Прагу в августе 1938 г.) порождает не меньше вопросов, нежели дает ответов. Ему нельзя отказать в концептуальной стройности, труднее признать аргументацию и построение работы убедительной. Обнаруженное автором высказывание Бенеша (относящееся к концу 1947 г.) о том, что "Советы не хотели нам помочь" и "это было главной причиной, почему я капитулировал", быть может обесценивает его многочисленные, политически мотивированные заявления об обратном, но никак не может считаться свидетельством, которое "раз и навсегда разрешает загадку обращения Москвы с Чехословакией накануне Мюнхенской конференции" (С. 257-258). Разрешение подобной загадки, разумеется, требует неизмеримого большего, чем заявления государственного деятеля, сделанного накануне своего второго поражения, в частно-

⁹ См., в частности: М. В. Захаров. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 112-116.

¹⁰ Это впечатление усиливается при рассмотрении помещенных в книге фотографий и подписей к ним. Сопровождающий в прогулке по Кремлю "Президента Бенеша" (в то время министра иностранных дел) высокий и сухошавый комкор А. И. Геккер (начальник Отдела внешних сношений Штаба РККА) представлен читателю как "Комиссар Ворошилов".

сти, тщательного исследования советско-чехословацких отношений (включая их французские, польские и румынские аспекты) в 1935-1937 гг., чему в рецензируемой монографии уделено сравнительно скромное место.

"Это важное исследование является ценным вкладом в историю", — высказался о рецензируемом труде крупнейший знаток Центральной Европы межвоенного двадцатилетия Петр Стефан Вандич. На мой взгляд, немалая толика этой ценности состоит в провокативности книги Лукеса: она не только заметно обогащает наше знание недавно вскрывшимися обстоятельствами и фактическими деталями, но и бросает вызов читателю своей неполнотой и субъективностью, парадоксально сочетающимися с эрудицией автора и неутомимым обследованием им архивов Праги, Вашингтона и Лондона. По своему существу работа И. Лукеса притягательна для критики (я изложил лишь часть возможных претензий к его исследованию), и в этом отношении способна сыграть в изучении политико-дипломатической истории Центральной Европы 1930-х годов роль, сходную с той, какую в 1960-70-е годы сыграла в более широком контексте знаменитая книга А. Дж. П. Тэйлора "Происхождение второй мировой войны". Для этого, разумеется, необходимо, чтобы основные материалы высших советских инстанций, военного, внешнеполитического и разведывательного ведомств оказались открыты для осмысления их исследователями.